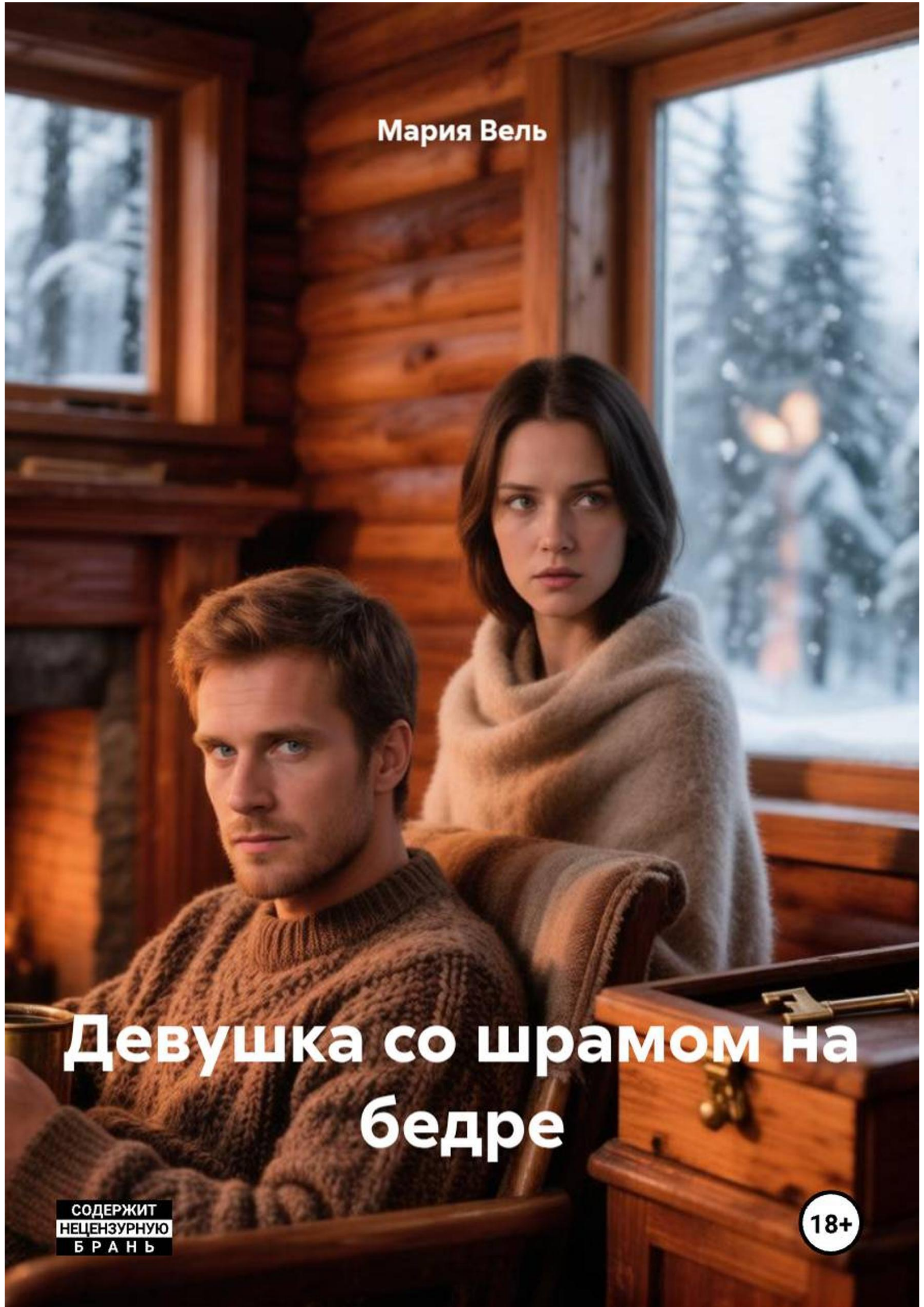

A movie poster featuring a man and a woman in a cozy log cabin. The man is seated in the foreground, wearing a brown knit sweater, looking off to the side. The woman stands behind him, wrapped in a light-colored shawl, looking directly at the camera. Large windows in the background show a snowy forest with evergreen trees. The cabin's interior is made of dark wood, and a wooden chest with a key is visible in the lower right.

Мария Вель

Девушка со шрамом на бедре

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Вель

Девушка со шрамом на бедре

«Автор»

2026

Вель М.

Девушка со шрамом на бедре / М. Вель — «Автор», 2026

Светлана беглянка с разбитыми коленями и сестрой, угасающей в реанимации. Олег медиамагнат, чье безумие граничит с гениальностью. Их встреча в грязном переулке не спасение, а тщательно спланированный аукцион душ. Заключив сделку с дьяволом ради жизни сестры, Света попадает в золотую клетку пентхауса. Олег покупает её тело как холст для своих темных желаний, но истинная валюта сделки абсолютный контроль над её волей. Он ломает её сопротивление ледяным равнодушием и вспышками первобытной жестокости, где каждый синяк становится печатью его собственности. Однако за фасадом садиста скрывается одержимость: он ищет ту единственную трещину в броне своей жертвы, через которую сможет забрать её душу. В игру вступает Сергей «правая рука» Олега, светловолосый архитектор чужих судеб. Он предлагает Свете иллюзию спасения, убаюкивая её состраданием и теплом.

© Вель М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Цена билета	5
Глава 1: Золотая клетка	7
Глава 2: Правила боли	9
Глава 3: Архитектор теней	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Девушка со шрамом на бедре

Пролог: Цена билета

Дождь в этом городе не падал с неба он сочился из-под низкого, давящего брюха туч, смешиваясь с выхлопными газами и запахом гниющего мусора. Фонари на улице Вязов давно разбили хулиганы, и единственным источником света были рваные блики неоновой вывески закрытого ломбарда.

Светлана волокла Катю за лямки брезентового рюкзака. Сестра весила не больше сорока килограммов, но сейчас казалась свинцовой. Каждый рывок отзывался тупым звоном в ушах, а ледяная вода пропитывала джинсы до бедер. Колени, содранные еще три квартала назад о ржавую арматуру заброшенной стройки, горели так, словно к ним приложили раскаленное стекло. В кармане ветровки лежала последняя ампула антибиотика, а телефон Кати показывал 3% заряда и надпись «Поиск сети». До дежурной больницы оставалось два пролета темноты и один открытый коллектор.

Черный автомобиль возник из водяной взвеси бесшумно, как акула. Он не взревел двигателем, не осветил их слепящим дальним светом. Хромированная решетка радиатора просто материализовалась в метре от них, перекрыв узкий проход между кирпичной стеной и забором автосервиса. Пахнуло сухим теплом кожи, дорогим парфюмом и озоном климат-контроля запах другой вселенной, где люди не умирают от сепсиса в двадцать лет.

Стекло водительской двери опустилось без единого звука. Внутри было темно, лишь тускло мерцал экран смартфона. Голос, раздавшийся оттуда, не принадлежал водителю. Он был лишен пола и возраста, звучал ровно и бархатно, вызывая инстинктивное желание прижаться спиной к холодной стене.

Светлана Андреевна. Вы промокли. И ваша сестра теряет остатки тепла. Это непрактично.

Она обернулась, прижимая к себе рюкзак с Катей, которая только тихо всхлипнула, утыкаясь лицом в мокрую ткань. Из тени салона на нее смотрели глаза цвета оружейной стали. Олег Воронов не сидел в машине он стоял под козырьком ближайшего подъезда, прячась от дождя. Идеально уложенные темные волосы, пальто, которое стоило дороже их съемной квартиры за год, и абсолютная неподвижность хищника перед броском.

Я знаю, что с ней, продолжил он, делая шаг навстречу. Его дорогие кожаные ботинки погрузились в черную лужу, даже не замочив шнурков. Знаю имя врача, который сегодня ночью уйдет в запой вместо смены. Знаю сумму, которую запросит заведующий отделением за внеплановую операцию. У вас нет этих денег. У вас нет ничего, кроме разбитых коленей и гордости, которая пахнет мочой из подворотни.

Света попыталась перехватить рюкзак удобнее, чтобы броситься бежать, но тело отказало. Мышцы свело судорогой паники. Она смотрела на его губы и понимала, что если он прикажет ей прыгнуть под колеса проезжающего поезда, она сделает это, потому что там, в больнице, аппарат ИВЛ уже начал давать сбой.

Чего вы хотите? голос прозвучал чужим, сиплым карканьем.

Олег улыбнулся краем рта. Это была не улыбка сочувствия. Это была формула.

Мне нужна компания. На моих условиях. Полная капитуляция вашего тела и воли. Взамен я оплачиваю любую клинику мира для Екатерины. Прямо сейчас. Мой врач уже ждет ее в реанимации частной клиники на Рублевке. Вам нужно только сказать «да».

Цена была невозможной. Не деньги. Деньги это бумага. Он покупал её душу, её позвоночник, право распоряжаться каждым миллиметром её кожи. Он предлагал сделку, после которой

жизнь выжившей сестры станет вечным напоминанием о цене этого спасения. Это было хуже смерти. Это было рабство, обставленное как благотворительность.

Катя снова дернулась в рюкзаке, издав булькающий звук. Аппарат ИВЛ дома пищал в памяти Светы тревожным красным сигналом.

Разбитые колени коснулись мокрого асфальта перед его ботинками сами собой. Это не было решением мозга. Это был рефлекс утопающего, хватающегося за лезвие ножа. Ткань её джинсов мгновенно потяжелела от грязной воды. Она склонилась ниже, почти касаясь лбом его колен, признавая поражение каждой клеткой своего истощенного организма. В нос ударил запах его шерсти и чего-то терпкого, мужского.

Да, выдохнула она в лужу. Я согласна.

Это не было подписью ручкой по бумаге. Контракт был подписан кровью её унижения, стуком её зубов и этим словом, растворившимся в шуме ливня. Олег едва заметно кивнул своему невидимому водителю. Задняя дверь лимузина распахнулась сама, выпуская наружу облако сухого, нагретого воздуха.

Он взял её за локоть прикосновение было мягким, но обладало силой гидравлического пресса, поднимающего сталь. Одним плавным движением он поднял её на ноги, игнорируя грязь, пачкающую его брюки.

Добро пожаловать домой, сказал он, мягко подталкивая её к открытому проему.

Светлана сделала шаг внутрь. Кожаный диван принял её в свои объятия. Дверь начала закрываться медленно, плавно, с глухим пневматическим шипением, отрезая звуки дождя, вой сирен и весь оставшийся снаружи мир живых. За стеклом стремительно исчезали огни города, превращаясь в размытую акварель. Впереди была только полутьма салона и отражение её собственных пустых глаз.

Глава 1: Золотая клетка

Тишина в пентхаусе была густой, осязаемой. Она не звенела в ушах она обволакивала барабанные перепонки плотным бархатом, гася любые попытки мозга издать хоть один панический звук. После рева ливня, хлопанья грязи под ногами и металлического скрежета дверей реанимации эта тишина казалась физическим насилием. Светлана стояла посреди гостиной, чувствуя, как мокрая ткань джинсов ледяными каплями стекает по лодыжкам прямо на молочно-белый ковер с ворсом такой длины, что ноги утопали в нем по щиколотку.

Контраст бил по глазам сильнее пощечины. Снаружи, за панорамным стеклом во всю стену, бушевала ноябрьская Москва черная, ревущая, грязная. Здесь же царил хирургический свет скрытых диодов и запах озона после работы очистителя воздуха. Стерильная роскошь давила на плечи многотонной плитой полированного мрамора. Ни одной лишней вещи, ни единой пылинки на хромированных поверхностях консоли. Это место выглядело так, будто в нем никто никогда не дышал.

Олег вошел беззвучно. Света узнала о его присутствии только по тому, как изменился химический состав воздуха он стал тяжелее, наполнился запахом дорогого табака и горького миндаля. Он не смотрел на нее. Его внимание было приковано к планшету, который он небрежно держал двумя пальцами.

Температура двадцать два градуса, произнес он в пустоту, даже не поднимая глаз. Влажность сорок пять процентов. Ужин через сорок минут. Ты будешь есть ножом и вилкой. Левая рука держит прибор, правая нож. Локти со стола убираются. Если тебя стошнит от переедания, ты сама вымоешь этот ковер зубной щеткой. Вопросы?

Вопросы роились в голове разъяренной саранчой. Где Катя? Жива ли она сейчас, под этим чужим скальпелем? Что будет, если Света просто шагнет сквозь это огромное стекло вниз, к огням Садового кольца? Но горло свело спазмом. Она смотрела на идеальный узел его шелкового галстука и понимала правила этой игры. Любое слово здесь стоило дороже золота, а молчание могло спасти жизнь.

Нет, выдавила она, едва разлепив пересохшие губы.

Только тогда он поднял взгляд. Стальной цвет его глаз вблизи оказался иллюзией. Радужка была почти прозрачной, цвета талого льда, но зрачок внутри него пульсировал темной, первобытной энергией. Он сканировал ее лицо, задерживаясь на трещине на губе, на разводах туши, на том, как судорожно дергается жилка на ее шее.

Подойди, приказал он.

Ее мышцы, сведенные судорогой многочасовой ходьбы, отказывались подчиняться. Чтобы сделать эти три шага по мягкому ковру, ей пришлось собрать остатки воли в кулак. Когда до него оставалось расстояние вытянутой руки, она уловила еще один запах тонкий, едва заметный аромат дорогой кожи. Запах денег. Запах власти.

Он медленно отложил планшет на стеклянную столешницу. Движение было плавным, гипнотизирующим, как движение змеи перед броском.

Посмотри на себя, его голос опустился на октаву ниже, вибрируя где-то в основании черепа. Грязь переулков въелась в твою кожу. От тебя несет страхом и дешевым антисептиком государственной больницы. Мне не нужна падаль в своем доме. Мне нужен чистый холст.

Света инстинктивно отступила на полшага назад, пока лопатки не коснулись холодного стекла окна. За спиной простиралась бездна города, головокружительная высота тридцатого этажа. Бежать было некуда.

Раздевайся, сказал Олег. Сказал ровно, буднично, словно просил передать соль. Прямо здесь. Вся одежда падает на пол. К моим вещам ты прикасаешься только чистыми руками.

Кровь ударила в голову, приливая к лицу. Жар стыда был настолько сильным, что перехватило дыхание. Это было продолжение допроса, начатого в лимузине. Контракт кровью унижения подписывался именно сейчас, в лучах галогенных ламп. Она закрыла глаза, пытаясь найти внутри ту самую спасительную пустоту, которая помогала выживать в детдоме, когда старшие девочки стаскивали с нее одеяло. Пустота пришла, но вместе с ней пришел липкий, животный ужас.

Пальцы плохо слушались. Молния на влажных джинсах застряла. Она дернула ее слишком сильно, и металлический язычок больно впился в подушечку большого пальца. Ткань наконец поддалась, скользая вниз по дрожащим бедрам. Джинсы упали тяжелой, мокрой массой, обнажая стертые в кровь колени. Синяки наливались багровым цветом там, где пряжки рюкзака врезались в кожу.

Она потянулась к краю растянутой домашней футболки, цепляясь за ткань, как утопающий за соломинку. Трикотаж пополз вверх, открывая плоский живот, ребра, край простого хлопкового лифчика. Ей казалось, что каждый миллиметр обнажившейся кожи скрипит в оглушительной тишине комнаты.

Последними на мягкий ковер полетели промокшие насквозь трусики. Она осталась стоять перед ним нагая, обхватив себя руками за локти, пытаясь защититься от его взгляда, который физически ощущался на груди, животе и внутренней поверхности бедер. Воздух кондиционированного рая показался ледяным. Гусиная кожа покрыла предплечья.

Олег не шевелился. Он просто пил ее замешательство, впитывал ее уязвимость, и в глубине его ледяных глаз впервые мелькнуло нечто похожее на удовлетворение хищника, загнавшего жертву в угол. Он выдержал паузу, давая ей замерзнуть окончательно, почувствовать каждой мурашкой свою беспомощность. Затем он плавно повернулся к огромному шкафу из черного дерева, дверцы которого сливались со стеной.

Раздался тихий щелчок доводчика. Олег вернулся, неся на согнутых пальцах вешалку. На темно-сливовом шелке играли блики света. Платье было простым, без кричащих логотипов, но плотность ткани и идеальность шва кричали о цене громче любого ценника.

Он бросил платье на огромную кровать позади Светы. Звук падения шелка на атласное покрывало прозвучал как выстрел.

Надень, велел Олег. Через тридцать минут мы спускаемся ужинать. И постарайся не пролить вино. Я ненавижу пятна.

Светлана перевела взгляд с платья на свои разбитые колени, на грязь, оставшуюся на кремовом ворсе ковра там, где она стояла. Цена этого куска шелка равнялась месяцу аренды квартиры, которую они снимали с Катей на окраине. Месяц их прежней жизни, полной дешевого растворимого кофе, смеха над глупыми сериалами и надежды на то, что сестра однажды сможет дышать без аппарата.

Она сделала шаг к кровати. Шелк холодом скользнул по кончикам пальцев.

В тот момент, когда она наклонилась, чтобы поднять платье, краем глаза она заметила движение сбоку. Дверь спальни, ведущая во внутренние покои Олега туда, куда ей входить запрещалось, оставалась приоткрытой всего на пару сантиметров. Из этой щели, подобно объективу камеры наблюдения, на нее смотрели другие глаза. Человеческие, теплые, цвета расплавленного янтаря. Взгляд принадлежал мужчине, стоявшему в тени, и в этом взгляде не было хозяйской оценки товара. Там было что-то другое. Опасное сочувствие. Или предупреждение.

Дверь бесшумно закрылась, поглощенная темнотой стены. Шаги в той комнате удалялись в сторону лифта. Светлана выпрямилась, прижимая драгоценный шелк к груди. Холодный ужас золотой клетки внезапно смешался с чем-то горячим и колючим, чего здесь быть не должно. Ощущение того, что в идеально спланированном спектакле спасения появился лишний зритель.

Глава 2: Правила боли

Столовая напоминала операционную. Длинный стол из цельного куска черного мрамора отражал пламя свечей, превращая их дрожащие огни в разлитую нефть. Светлана сидела на самом краешке стула с прямой, как натянутая струна, спиной. Сливовый шелк платья охлаждал кожу, не давая забыть о собственной наготе под тонкой тканью. Каждый вдох отзывался болью в ребрах корсет этого платья был спроектирован не для того, чтобы украшать, а для того, чтобы дисциплинировать диафрагму.

Олег занял место во главе стола. Между ними было почти три метра идеальной пустоты, но Свете казалось, что она сидит у него на коленях. Он ел медленно, методично разрезая стейк прожарки *medium rare*. Звук лезвия ножа, входящего в плоть, казался непристойно громким в вакууме комнаты.

Локти, произнес он, не поднимая глаз от тарелки. Его голос обладал свойством заполнять собой пространство без повышения децибел.

Светлана вздрогнула и прижала локти к бокам, хотя секунду назад они покоились на мягкой обивке кресла. Она посмотрела на свою тарелку. Там лежал микроскопический кусочек белой рыбы на ложе из шпината и капля соуса, выведенная поваром в идеальную окружность. Желудок свело голодным спазмом таким сильным, что перед глазами поплыли темные пятна. За последние семь дней ее рацион состоял из остывшего больничного бульона, который удавалось выпросить у медсестер, и таблеток глюкозы, растворенных в воде.

Ты смотришь на еду так, будто собираешься убить ее взглядом, Олег отложил приборы. Звяк серебра о фарфор прозвучал выстрелом. В моем доме нет голода. Есть только аппетит. Если ты хочешь есть ты ешь. Но ты делаешь это красиво.

Он поднял взгляд. Сталь его глаз лишала воли лучше любого наркотика.

Спина прямая. Колени вместе. Когда подносишь вилку ко рту, запястье должно быть расслаблено. Ты не гребец на галере, Светлана. Ты украшение интерьера. Начни сначала.

Сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. Это была невыполнимая задача. Ее пальцы, привыкшие сжимать арматуру и ручки брезентовых рюкзаков, мелко дрожали. Она взяла нож. Рука предательски дернулась, и лезвие издало мерзкий скрежет по дну тарелки.

Она замерла, ожидая взрыва. Крика, удара кулаком по мрамору, приказа встать на колени. Олег просто смотрел на нее, слегка наклонив голову набок, как энтомолог, изучающий редкое насекомое, которое ведет себя неправильно.

Поставь обратно, мягко посоветовал он. Положи руки на колени. Закрой глаза.

Тошнотворная тревога сменилась ледяным недоумением. Она послушалась. Веки были тяжелыми, словно налитыми свинцом.

Дыши, продолжил он. На счет четыре. Вдох через нос. Задержка. Выдох через рот. Почувствуй ткань платья на груди. Она давит? Хорошо. Боль напоминает тебе, что ты существуешь. А теперь открой глаза и возьми вилку. Только левой рукой. Я хочу видеть изгиб твоего предплечья.

Это было хуже насилия. Физическую боль можно перетерпеть, сжавшись в комок. Эта медленная, ювелирная пытка вежливостью дробила кости самоуважения в мелкую пыль. Механика власти заключалась не в запретах, а в тотальном контроле над микромиром. Он учил ее дышать заново, ломая привычный ритм паники, заставляя легкие впитывать чужой, дорогой воздух пентхауса. Каждая команда отсекала кусок ее прежней личности.

Ее попытка бунта созрела сама собой, выкристаллизовалась из отчаяния. Она положила вилку ровно посередине тарелки и сцепила руки в замок на столе. Костяшки пальцев побелели.

Я хочу знать про Катю, голос звучал хрипло, но впервые за вечер прямо. Операция закончилась?

Уголок губ Олега дрогнул. Он промокнул губы салфеткой, сложил ее идеально ровным квадратом и только потом посмотрел на Свету. В его взгляде не было гнева. Там было чистое, дистиллированное любопытство.

Твой лимит на вопросы сегодня исчерпан при входе в здание, сказал он. Но я ценю инициативу. Тебе интересно твое положение. Это похвально. Сергей пришлет отчет утром. Если операция пройдет успешно, завтра вечером тебе разрешат посмотреть на спящую сестру через монитор службы безопасности. Не лично. Личное присутствие нужно заслужить.

Он кивнул сомелье бесшумному призраку в углу зала. Перед Светланой возник бокал на высокой ножке. Бордо глубокого, кровавого цвета.

Выпей, приказал Олег.

Вино пахло дубом, черными ягодами и чем-то неуловимо медицинским. Спирт. Сахар. Удар по пустой слизистой желудка.

Я не пью, солгала она, глядя на рубиновую жидкость. Горло пересохло мгновенно.

Пей, повторил он тем же тоном, которым минуту назад просил выпрямить спину. До дна. И не смей делать паузу.

Его спокойствие было страшнее любой угрозы. Оно означало, что отказ физически невозможен. Светлана обхватила тонкую ножку бокала. Металл кольца на пальце Олега тускло блеснул в свете свечей. Она поднесла стекло к губам. Первый глоток обжег небо терпкостью. Второй провалился в пищевод жидким огнем. Третий опустошил бокал. Комната качнулась.

Шершавый ворс ковра вдруг показался ей поверхностью воды. Мраморный пол начал медленно уходить из-под ног, закручиваясь в воронку. Свечи вытянулись до потолка длинными желтыми иглами. Голова стала легкой, невесомой, отделившись от тела. Она поняла, что падает, еще до того, как ослабили мышцы шеи. Неделя истощения, адреналин переулка и чистый алкоголь вступили в химическую реакцию.

Светлана начала заваливаться вбок, цепляясь слабеющими пальцами за край стола. Шум в ушах перекрыл даже биение собственного сердца. Это конец. Сейчас череп расколется о холодный камень. Она закрыла глаза, принимая падение в темноту как долгожданное избавление.

Но удара не последовало.

Мир перестал вращаться, зафиксировавшись в одной точке. Она почувствовала запах озона и шерсти Олег стоял совсем рядом. Теплая ладонь легла на спинку ее стула, вторая оказалась на подлокотнике, намертво блокируя путь к падению. Он не коснулся ее кожи. Между его пальцами и ее обнаженным плечом оставалось расстояние в миллиметр, но жар его руки ощущался сквозь шелк как клеймо.

Затем его указательный и большой палец скользнули по линии ее челюсти, заставляя поднять опущенную голову. Он нависал сверху, заслоняя собой свет люстры. Их взгляды встретились. В расширенных зрачках Олега плясали красные блики огня.

Его рука двинулась ниже. Твердые подушечки пальцев легли на ее горло туда, где отчаянно пульсировала сонная артерия. Она инстинктивно сглотнула, пытаясь отстраниться, но затылок упирался в твердую древесину стула.

Пальцы Олега не сжались. Они лишь обозначили захват. Кожа чувствовала исходящую от них скрытую силу способную раздробить хрящи одним движением. Он держал ее горло в плену абсолютной геометрии своего контроля. Воздух входил в легкие мелкими, жалкими порциями. Комната снова начала плыть, но теперь уже не от вина, а от нехватки кислорода и животного ужаса перед этим ласковым убийцей.

Хорошая девочка, прошептал он так тихо, что слова предназначались только для ее барабанных перепонок. Ты быстро учишься правилам боли. Завтра мы перейдем к десертам.

Он убрал руку так же плавно, как и положил ее. Пространство между ними снова заполнилось тремя метрами холодного воздуха. Олег вернулся на свое место, взял салфетку и аккуратно промокнул уголок рта.

Можешь идти, бросил он, возвращаясь к своему стейку. Тебя проводят в западное крыло. И постарайся не испачкать платье рвотой на лестнице. Химчистка стоит дорого.

Светлана встала. Ноги слушались плохо, суставы превратились в желе. Она сделала шаг назад, потом еще один, пятясь к дверям столовой, пока тени не поглотили ее силуэт. Она вышла в коридор, прижимая ладонь к горлу, все еще чувствуя фантомное давление его пальцев там, где жизнь отделялась от смерти лишь толщиной кожи.

Глава 3: Архитектор теней

Западное крыло пентхауса пахло озоном и одиночеством. В отличие от парадной гостиной, где мрамор резал глаза стерильной белизной, здесь царил приглушенный сумрак. Плотные шторы из алькантары поглощали шум города, превращая его в глухой, вибрирующий гул. Светлана сидела на краю огромной кровати, обхватив колени руками. Сливовый шелк платья помялся, превратившись из дорогого наряда в жалкую тряпку. На ладонях саднили свежие ссадины следы ногтей, которыми она цеплялась за край стола перед тем, как мир поплыл.

Щелчок замка прозвучал не угрожающе, а почти уютно. Дверь открылась без стука.

Светлана инстинктивно напряглась, ожидая увидеть хромированную сталь туфель Олега, но на ковер ступили замшевые лоферы цвета слоновой кости. Подняв взгляд выше, она увидела безупречно выглаженные брюки, кашемировый свитер тонкой вязки и лицо, которое казалось неуместным в этом доме боли. Сергей улыбнулся ей мягко, уголками губ, словно встретил старую знакомую в парке осенним днем. Его волосы цвета выбеленного льна падали на лоб, а глаза были теплыми, чайного оттенка. Он выглядел как человек, который приносит горячий суп больным детям, а не как «правая рука» медиамагната-диктатора.

Ты дрожишь, сказал он тихо. Голос был лишен стали Ворона; он обволакивал бархатом. Тебя знобит после вина. Олег всегда забывает, что другие сделаны из мяса, а не из гранита.

Он прошел мимо нее к встроенному в стену мини-бару. Света замерла, готовясь к худшему, но Сергей достал оттуда не бутылку, а аптечку из матового пластика. Сел рядом на кровать достаточно близко, чтобы она почувствовала запах его парфюма (сандал и бергамот), но достаточно далеко, чтобы не нарушать границы личного пространства.

Дай сюда, попросил он, протягивая руку.

Она медленно разжала кулаки. Ладони представляли собой сплошную кровоточащую корку. Сергей тихо цокнул языком, доставая флакон с хлоргексидином. От запаха антисептика защищало в носу.

Его пальцы оказались неожиданно прохладными. Когда ватный диск коснулся ее кожи, Света дернулась от жжения, но вторая ладонь Сергея тут же накрыла ее запястье, фиксируя руку. Это прикосновение было иным. Если пальцы Олега на ее горле вчера вечером ощущались как измерительный прибор хищника, оценивающий пульс жертвы, то руки Сергея просто грели. Он промокал ее раны с какой-то хирургической нежностью, дую на содранную кожу, чтобы унять боль.

Терпи, прошептал он. Сейчас будет щипать чуть сильнее. Я знаю, что ты привыкла к боли. У тебя все коленки синие, спина в следах от пряжки... Жизнь тебя не баловала.

Внутри Светланы что-то оборвалось. Семь лет скитаний по съемным углам, детдомовский шрам под лопаткой, вечный страх за Катю этот мужчина перечислял факты ее биографии так, будто читал прогноз погоды. Обманчивое тепло начало растапливать лед оцепенения. Впервые за двое суток кто-то прикасался к ней не для того, чтобы причинить боль или заявить права собственности.

Закончив с ладонями, Сергей открыл тюбик мази. Массирующими движениями он втирал холодный гель в ее кожу. Ритм его движений гипнотизировал.

Зачем я здесь? хрипло спросила она, глядя, как профессионально работают его пальцы. Чего он хочет?

Сергей отложил пустой тюбик и поднялся. Вместо ответа он подошел к своему портфелю, стоящему в кресле. Щелкнул замок дорогой кожи. Он вернулся к кровати, держа в руках планшет. Экран загорелся, осветив его профиль золотистым светом.

Он хочет владеть тобой, просто ответил Сергей, поворачивая планшет к ней. Но прежде чем мы перейдем к главному, тебе стоит посмотреть на себя моими глазами.

На экране светилось PDF-досье. Ее собственное фото анфас и в профиль тюремное, сделанное три года назад во время административного ареста за участие в неразрешенном митинге. Тогда она была другой: коротко стриженной, с дерзким прищуром и разбитой бровью. Рядом текли строки текста.

Светлана Игоревна Зимина. 24 года.

Мать: умерла от сердечного приступа, когда Светлане было 16.

Отец: местонахождение неизвестно (розыск прекращен).

Образование: неполное среднее, отчислена из педагогического колледжа со второго курса.

Особые приметы: шрам меж лопаток (следствие падения с высоты в детстве), привычка грызть внутреннюю сторону щеки при стрессе. Психологический профиль: гипертрофированное чувство ответственности, склонность к самопожертвованию ради близких. Точка входа сестра.

Сергей листал страницы легким движением пальца. Он показывал ей карту ее собственной жизни, препарированную чужим умом. Каждую ее слабость, каждую слезу, каждый бессонный год дежурства у постели Кати эти люди превратили в строчки отчета.

Видишь? палец Сергея остановился на строке «Точка входа». Для него это просто бизнес-план. Ты актив с высоким риском, но высокой ликвидностью. Он купил твою сломанную жизнь на аукционе. И теперь собирается чинить тебя. Или ломать до конца, пока сопротивление не исчезнет.

Комната вдруг стала слишком тесной. Запах сандала стал удушливым. Сергей придвинулся ближе, их плечи почти соприкоснулись. Он снизил голос до интимного шепота, предназначенного только для нее:

Олежек гениальный архитектор теней. Он строит свои империи на костях тех, кто ему доверился. Ему нравится процесс разрушения. Он получает удовольствие, наблюдая, как гнется чужая воля. Поверь мне, я знаю его с университета. Он ломает людей не потому, что они мешают его бизнесу. Он делает это просто потому, что может. Потому что пустота внутри требует заполнения чужой болью.

Поворотная точка наступила внезапно, обрушившись на голову тяжелым камнем. План побега. Из этого дома, от этого взгляда, от этой золотой клетки.

Я могу вытащить тебя, Сергей повернул голову, и сейчас его янтарные глаза казались единственным источником света в полумраке спальни. Прямо сейчас. Мои люди внизу. У меня есть вертолет на крыше соседнего здания. Мы переправим тебя через границу за четыре часа. Взамен ты просто забудешь этот адрес. А Катя... операцию оплатит анонимный благотворительный фонд. Никто не пострадает. Решай. Свобода прямо за дверью.

Обманчивое тепло наконец выполнило свою задачу. Стены рухнули. Зарождающееся доверие плеснуло в кровь адреналином надежды. Она смотрела в это открытое, честное лицо ангела-хранителя и чувствовала, как легкие впервые за два дня пытаются сделать полный вдох. Он предлагал спасение вместо боли. Выход из водоворота.

Почему? выдохнула она. Почему вы это делаете? Вы же его лучший друг.

Сергей грустно усмехнулся, отстраняясь и вставая во весь рост. Контраст между ним и вернувшимся холодом комнаты был физически болезненным.

Потому что даже тьме иногда нужен противовес, милая. Иначе здание рухнет и похоронит всех нас заживо.

Он направился к выходу, но у самой двери обернулся.

Тебе нужно согреться. Ночь будет долгой.

Через минуту дверь снова открылась. Бесшумный персонал внес серебряный поднос. Фарфоровый чайник выпускал тонкие струйки пара. Травяной сбор: ромашка, мята, лаванда.

Идеальное средство, чтобы успокоить истерзанные нервы беглянки. Сергей лично поставил чашку на тумбочку возле кровати.

Выпей. Это поможет уснуть без кошмаров, кивнул он и вышел, оставив ее одну с запахом свободы и горячей керамикой.

Светлана дрожащими пальцами взяла чашку. Руки больше не болели благодаря мази, но внутренняя дрожь усилилась. Чай отдавал медом и горечью. Она сделала глоток, потом второй. Жидкость обожгла пищевод приятным теплом, расслабляя сведенное спазмом горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.